

На этот вопрос Чжэн Икунь не ответил так же быстро. Он уставился вперёд. Он сидел неподвижно, может, размышляя, а может, и нет. Когда сигарета догорела, и И Чжэ решил, что парень не собирается отвечать, он, наконец, сказал:

— Не думаю.

Такие долгие размышления были сложнее мгновенных реакций, они больше напоминали правду. Ответ не удовлетворил И Чжэ, но не удивил. У Чжэн Икуня было слишком много бывших девушек, чтобы их сосчитать — только тех, которых все знали, и то их было много. Ребята в общежитии даже как-то заметили, что Чжэн Икунь уже успел повстречаться с девушками почти со всех факультетов в их университете. Оставался только факультет информатики, и тогда получился бы полный набор.

— Я из тех людей, которые хотят много чего, — Чжэн Икунь запустил руку в волосы. Улыбка на его лице была беззаботной, насколько это возможно, — но не любви.

И Чжэ привык к его равнодушию, но сейчас он снова почувствовал, что оно неприятно ему, и он не хочет слушать этот бред. С того момента, как он увидел, что тот сделал с Чэн Сюем, в сердце И Чжэ зародился гнев. Он боялся, что Чэн Сюй поведётся на обман Чжэн Икуня, он знал, что Сюй Танчэнь всегда защищал Чэн Сюя, будто тот был его младшим братом.

— А ещё Чэн Сюй... — кажется, Чжэн Икунь пытался подобрать подходящие слова, — ...слишком добрый и невинный. Я же более распущенный, совершенно другой тип.

После этих слов И Чжэ разозлился ещё сильнее. Он не сдержался:

— Тогда что же ты делал?

— Эй, а что я такого делал? — Чжэн Икунь повернул голову и ответил вопросом на вопрос. — Разве это такое большое дело, когда два парня дрочат друг другу? И почему я не знал, что ты такой придира!

И Чжэ старался взять себя в руки. Но это не удалось, и он со злобой выдохнул:

— Ты мудака.

— Да, мудака, я мудака, — тон голоса Чжэн Икуня был лёгким и провоцирующим. Повторив это слово, он снова пропел: — Я мудака.

И Чжэ не хотел больше обращать на него внимания и позволил ему сходить с ума одному. Но, может, холодный ветер заставил мозг Чжэн Икуня прекратить работать, и спустя несколько минут он внезапно пробормотал:

— Чэн Сюй... наверное, раньше никогда не целовался.

— М? — И Чжэ подумал, что ослышался.

— Тогда, получается, сегодня ночью он отдал тому мужчине... свой первый поцелуй? — выглянув в окно в глубоких раздумьях, Чжэн Икунь снова заговорил со смешком: — Если бы я знал, что это случится, мне стоило бы давно стать ещё большим мудаком... Ой!

Прежде, чем он успел договорить, внезапная встряска заставила его укусить собственный язык.

И Чжэ смотрел, как он под действием ремня безопасности упал вперёд, а затем отклонился назад. Он сказал с ничего не выражающим лицом:

— Твоя остановка.

Когда его перестало трясти, Чжэн Икунь поднял голову, чтобы осмотреться. Чёрта с два это была его остановка, это была очередная дорога.

Действия И Чжэ не могли быть ещё более ребяческими, но их значение было кристально чисто. Чжэн Икунь был настолько зол, что рассмеялся. Он не стал спорить с И Чжэ, расстегнул ремень безопасности и взглянул на парня:

— Как благородно.

Ловким движением руки он открыл дверь машины и вышел.

Видя, как его спину обдувает холодный ветер, И Чжэ заметил, что рубашка этого человека была темно-фиолетовой, невероятно провоцирующей.

Он не торопился уезжать, дождался, пока Чжэн Икунь отойдёт достаточно далеко, и медленно привёл машину в движение. Проехав мимо Чжэн Икуня, И Чжэ глянул на зеркало заднего вида, убедившись, что там никого не было. Он взглянул ещё раз — там не было даже бродячих кошек и собак.

Бутылка из-под минеральной воды внезапно вылетела из окна, ударив прямо в цель — фиолетовую рубашку. Окурок катался по бутылке вместе с несколькими щепотками пепла.

Реакция Чжэн Икуня была быстрой. Когда в него полетела бутылка, он успел поймать её вытянутой рукой. Даже не оглянувшись, тут же кинул бутылку в уезжавшую белую машину.

— ... твоего деда!

Бутылка из-под минеральной воды пролетела довольно большое расстояние. В конце концов, красная от холода рука подобрала её. Послышалось, как кто-то произнёс:

— Ублюдок.

Приехав домой, И Чжэ отправил Сюй Танчэню сообщение, спросив у него, как там Чэн Сюй. Сюй Танчэнь посмотрел на бедолагу, который послушно лежал на кровати, и отправил ответ, затем вышел, чтобы набрать горячей воды. Когда он вернулся и окунул чистое полотенце в воду, от И Чжэ пришло сообщение с пожеланием спокойной ночи.

Чэн Сюй обратился к нему:

— Танчэнь.

Сюй Танчэнь подошёл к краю кровати парня. Чэн Сюй, не открывая глаз, тихо пожаловался:

— У меня болят глаза.

После того, как он проплакал целую ночь, было бы странно, если бы они не болели.

Кровати в кампусе были высокими. Сюй Танчэнь отошёл, чтобы выжать полотенце, после чего попросил Чэн Сюя подвинуться ближе к краю кровати. Чэн Сюй послушно перекатился к нему, завернувшись в одеяло. Сюй Танчэнь внимательно осмотрел его глаза и обнаружил, что они воспалились, и вся кожа вокруг покраснела. Он протёр лицо Чэн Сюя тёплым полотенцем, затем развернул его и сложил другой стороной, аккуратно накрыв им глаза Чэн Сюя.

— Так лучше?

Чэн Сюй кивнул. Он лежал тихо. Спустя несколько минут, когда он успокоился, и голос больше не звучал странно, он попросил Сюй Танчэня принести ему телефон, сказав, что хочет позвонить маме.

Сюй Танчэнь сжал губы. Он передел Чэн Сюю его телефон, однако его волновало, как поведёт себя Чэн Сюй во время звонка. Он подозревал, что Фу Дайцин уже вернулся домой с какой-нибудь историей для матери Чэн Сюя, и что не так важно, позвонит он ей или нет. Но он не сказал об этом Чэн Сюю. Не то чтобы Чэн Сюй не задумывался об этом.

Рассвет должен был наступить только через несколько часов, но отзвучал лишь один гудок, прежде чем на звонок ответили. В комнате наступила тишина. Сюй Танчэнь мог слышать серьёзный голос по ту сторону экрана.

— Мм, я немного выпил. Я поужинал с другими ребятами из лаборатории и напился, поэтому не брал трубку.

Сюй Танчэнь продолжил протирать его лицо полотенцем, слушая, как он медленно произносит слова извинения. Потом наступила пауза: его мама очень долго говорила. Сюй Танчэнь услышал имя, и в то же время взгляд Чэн Сюя вновь стал странным. Чэн Сюй натянул одеяло, сжав его, и сказал:

— Нет...

Одно это слово заставило его глаза опять заслезиться. Голос с другой стороны наполнился волнением, снова и снова стал спрашивать, что не так, что случилось.

Чэн Сюй не смог удержаться от нескольких всхлипов. Он схватил запястье Сюй Танчэня, глядя на него своими покрасневшими глазами, будто бы моля его о помощи.

— Я в порядке...

Человек по ту сторону, очевидно, не поверил и продолжил задавать навязчивые вопросы.

Сюй Танчэнь накрыл руку Чэн Сюя своей и взял телефон. Он одними губами попросил Чэн Сюя: «Дай мне сказать».

— Нам с самого начала не стоило отпускать тебя в Пекин. Если с тобой что-то случается, мы даже не знаем об этом. Если бы ты был здесь, дома, то мы могли бы навестить тебя. Ты ещё очень молод, и мы волнуемся за тебя...

Чэн Сюй слегка ослабил хватку, но что-то в этих словах задело его сердце, заставив сжать зубы и вновь схватить телефон. Его голос, приглушенный из-за скопившихся эмоций, зазвучал невыносимо печально, раскрыв все его чувства.

— Я в порядке, — снова заверил он, прервав взволнованный голос. Его голос звучал обиженно, будто Чэн Сюй был маленьким ребёнком, который упал во время прогулки и плакал у родителей на руках, обняв их за шею. — Я просто плохо выполнил задание, которое мне дал учитель, и он отругал меня на сегодняшнем собрании.